

ГДЕ Ж ТЫ, РОГАТКА МОЯ?..

Во глубине минувших лет меня обсыпали деньгами... В самом прямом смысле. Ни «черный умысел», ни «знак благодарности» в этом не участвовали. Обсыпали случайно. Просить кого-либо о той «манне небесной» я тогда просто не мог. И не догадывался даже, что такая просьба возможна. С деньгами, правда, уже был знаком, так как бегал в магазин за хлебом. Однако как их «делают», не имел ни малейшего представления. Такая вот мне досталась наследственность.

Кто обсыпал?.. 75-ти прожитых лет так и не хватило, чтобы, спустя годы, отыскать хотя бы внешне достоверный ответ. Великая Отечественная война, начавшаяся тем летом, и нежданно, и негаданно, особенно для меня, более всего, пожалуй, и причастна к тому, что случилось. Но и это – всего лишь догадка.

И только в единственном, думаю, нет смысла сомневаться: на моём месте вполне мог оказаться кто-либо другой. Однако другой не попал «под деньги». В тот предутренний час его явно унесло неизвестно куда, и денежный обвал, не имея выбора, свалился только на меня. И был он таким щедрым и даже безжалостным, словно кому-то здорово приспичило непременно похоронить меня, и без того полудохлого, под плотным слоем денежной наличности.

Смутно припоминаю, купюр крупного достоинства, тридцаток или сотенных, в том деньгопаде не было. Хотя, возможно, я их не разглядел. Рухнувшая на меня «куча денег», если доверять детской памяти, состояла из заметно потрёпанных рублёвок, трёшек и пятёрок. Словно их где-то старательно собирали, ровненько складывая одну к одной. Употребить же те деньги так, как хотелось, похоже, не сумели.

Глазами на всю жизнь запомнил, купюру в один тогдашний рубль украшал портрет Алексея Стаханова, знаменитого шахтёра из Донбасса. Взрослые в те времена про него говорили, что «он даёт стране угля, хорошего и до х..». Ну, в общем, работяга он был редкостной преданности труду, и мог давать столько, сколько «страна прикажет».

Держа на правом плече отбойный молоток, изображённый на рублёвке коричневого цвета самый первый в стране стахановец по фамилии Стаханов взором прикормленного оптимиста смотрел вдаль из-под защитных очков. Давая понять, что и мне надо бы делать то же самое. Ведь на довоенный советский рубль можно было купить аж пять буханок хлеба! Я знал об этом, и относился к рублю с полнейшим своим уважением. Но смотреть вдаль по-стахановски в тот момент не мог, так как вокруг меня было темно, «как у негры подмышкой».

Кто такая «негра», я и понятия в те времена не имел... Однако фразу эту, попав в потёмки, неизменно произносила моя мама, и мне было приятно повторять её.

Упавшие на меня деньги для тех лет считались большими. А я был маленьким, совсем замухрышкой. Про таких обычно говорят: тонкий, звонкий и прозрачный. Наверное, я напоминал тень самого себя. Чихни – и эту конструкцию из костей, кожи и глаз заново уже не соберешь. Тогда мне и пяти лет ещё не исполнилось, хотя вся родня называла меня шустрым и сообразительным мальчонкой. И лишь много лет спустя до меня дошло: это само время вынуждало быть взрослее прожитых лет...

Сразу признаюсь, после того случая «большие деньги» меня вновь ни разу не посещали и «не липли» ко мне. Неинтересен, видимо, я был им. Лишь мимолётные соприкосновения и случались. Не более того. Поэтому за всю долгую жизнь свою я так и не сумел подружиться с ними. Не то они старательно ускользают от встреч со мной. Либо меня несёт по жизни где-то вдали от всевозможных денежных потоков, как законных, так и не очень. Не знаю...

Был случай, когда во время одной из командировок в США на суетливой от автомашин и многолюдья Мичиган-авеню в Чикаго я купил какой-то затейливый сувенир. Молодая женщина-кассир вручила мне покупку, а на сдачу протянула несколько монет и бумажную купюру в... два доллара. Я не стал скрывать, что уже не в первый раз посещаю Америку, но такую, очень странную, «деньгу» прежде не встречал.

Она рассмеялась: «Вам повезло, у нас её тоже называют очень редкой. Между прочим, обладатель такой купюры просто обязан разбогатеть. Так утверждают многие американцы», - заметила она.

«А вы, надо полагать, уже разбогатели...»

«Я просто вернула вам сдачу... Это моя работа, - словно извиняясь, ответила собеседница. - Мне показалось, что вы - из России. Пусть наша купюра вам поможет... Только постоянно храните её при себе».

Я так и делаю. Храню случайно отловленную и очень редкую «деньгу» в два доллара США! Храню и радуюсь, что жевать и глотать её не надо, как принято поступать у нас, если в общественном транспорте тебе вручат «счастливый» билетик. Просто храню...

Однако за прошедшие два десятка лет «разбогател» пока ровно настолько, насколько курс доллара изменился к рублю. Храню!.. Понимая, что там, за океаном, на тему «разбогатеть» - свои, как теперь говорят, приколы, а у нас – свои. И существуют они совершенно независимо друг от друга. И уж точно, без права на конвертацию...

Начав писать этот рассказ о совершенно реальном случае из собственной жизни, я кое-какие крохи воспоминаний из детства

наскрѐб в своей памяти. А ещё отыскал в ней и те подробности, которые мне помогла восстановить задолго до своей кончины мама.

Как-то мы сидели вдвоём в нашей квартире, пили чай с оладушками и вспоминали без спешки моё изувеченное войной детство и её сравнительно молодые, но «многократно поломатые» годы. Такими словами она сама их называла. Вспоминала, конечно, мама, а я больше слушал, сопоставляя с тем, что сам уберег в памяти.

Словом, «меня обсыпали деньгами» более чем давно. Дней эдак через 30-40 после начала нашествия на нашу страну германцев. Фашисты тогда пѐрли на нас тучами, словно оголодавшая тьма саранчи спешила на кормѐжку. У них это называлось «Дранг нах остен». А мы были вынуждены совершать свой «дранг» и тоже на «остен», только на тот, который не мог попасть под сапог и гусеницы вермахта. Проще говоря, уносили ноги от стремительно приближающегося фронта...

Тогда многие поступали именно так. И поэтому на дорогах нашей спешной эвакуации, более похожей на бегство, было тесно. На всех не хватало ни дорог, ни вагонов, ни билетов, ни паровозов, ни телег, ни воды, ни улыбок, ни нервов, ни продуктов... Но более всего не хватало слѐз...

В том разговоре мама припомнила, что окончательно своё решение о нашем спешном отъезде она приняла вскоре после того, как война прикоснулась лично к нам. Это я запомнил на всю жизнь! Жарким летним днѐм, возвращаясь из магазина, мы с ней попали на пустыре под обстрел немецких самолѐтов. Они возникли над нами из знойного в тот день марева поначалу почти бесшумно.

Мама, увидев их, визгливо крикнула: «Падай!». И мы рухнули в пропылѐнную траву. А три ревущих моторами чудовища с крестами на крыльях стали носиться над нами кругами чуть повыше обрамлявших пустырь деревьев и нещадно поливали потоками пуль всё находившееся внизу. Они, наверняка, решили нас убить, как убивают на охоте тех, кто ничем не может равноценно ответить. Никаких других объектов, привлекающих их внимание, на том пустыре не было. Об этом мне позже скажет мама.

Единственный раз в своей жизни, попав под такой «дождь», я толком и не понял, что происходило. Даже испуга не было. Лишь ощущал всем тощим телом, как вздрагивает подо мной земля от сыпавшихся пуль. Я слышал, как они с легким шелестом вонзаются в землю где-то рядом с моей головой и ногами. Очень хотелось рассмотреть происходящее получше. Но я не мог этого сделать, потому что мама накрыла мою голову сумкой, которую мы чем-то заполнили в магазине.

Вскоре самолѐты испарились, рѐв затих, а мы ещё долго прижимались к тѐплой земле, боясь подняться в полный рост. Стало

так тихо, что я услышал, как рядом стрекочет кузнечик... А мама, подняв голову, глазами, полными слёз, смотрела на меня и на равнодушное ко всему насекомое.

Вообще-то мы с мамой – уроженцы Красноярска. Но, произведя меня на свет в январе 1937 года, родители в поисках лучшей жизни вскоре покатали на родину отца, к его сородичам, в тогдашнюю Калининскую область. Ныне её вновь называют Тверской. Так незадолго до начала войны мы и стали жителями не то самого Ржева, не то одного из ближайших к нему поселков. Точно уже не помню.

Но и на новом месте родителям всё как-то не сиделось. По крайней мере, моя сестра Елена почти четыре года спустя после нашего переезда родилась почему-то в Москве. Но в столице мы, точно знаю, не жили.

Уже вскоре после 22 июня отца позвала к себе война. И он ушёл на неё добровольцем, и до самой Победы воевал артиллеристом. В тот самый день, когда мы его проводили, я выменял у соседского пацана за два пирожка с ливером (их мама испекла) отличную рогатку и тоже стал если не военным, то хотя бы «вооруженным». Похоже, маме это понравилось. Но тут же, не принимая никаких возражений, она твёрдо объявила, что «завтра повернём оглобли на Красноярск»...

В силу своего малолетства я плохо помнил город, в котором родился. Но мне очень нравились сами переезды. Так что охота к перемене мест уже тогда становилась моей затяжной «болезнью». Почти с пелёнок и, как оказалось, на всю жизнь. Попав однажды в журналистику, я благодаря этому «заболеванию» и по своей стране вдоволь поездил, да и зарубежья всякие повидал. Грех обижаться на судьбу! Но сейчас об этом лишь попутно...

И точно, на следующий день, упаковав самые нужные вещи, мы распрощались с родственниками, никто из которых не захотел ехать с нами в Красноярск, и стали беженцами. Мы - это бабушка (мать моей матери), пелёночная кроха-сестра, я и мама. Ей тогда уже исполнилось 32 года. Это была крепкая, интеллигентно воспитанная женщина, которая и за словом в карман не лезла, и могла исключительно «мирным путём» отразить любые атаки на нас.

Таким семейным табором мы и примкнули к унылым вереницам тех, кто пытался оказаться подальше и от наката фронтовой волны, и от возможной оккупации. О ней тогда многие говорили безо всяких намёков...

Спустя годы, уже осознанно, а не по-детски, я однажды понял, почему мы долго не могли купить билеты до Красноярска. Просто пассажирские поезда туда прекратили ходить напрямую. А возможно, нам не говорили всей правды. Попасть в любой город Сибири или на какую-то станцию в восточном направлении в условиях военного времени можно было только с бесконечными пересадками.

Случалось, припомнила мама, что беженцам могло и подфартить. Это если по несколько пассажирских вагонов разрешали прицеплять к тем товарнякам, которые вскоре начали увозить на восток оборудование спешно отгружаемых туда заводов. Но такие эшелоны с грохотом проносились мимо по дальним от затемнённого вокзала путям и чаще всего ночами. И мы, посмотрев им с грустью вслед, вновь понуро шли к кассовому окну, чтобы не пропустить переключку стоявших за билетами очередников.

Иногда я бегал с семейным чайником на вокзальную водогрейку за кипятком или за холодной водой, а ещё - в буфет за хлебом и за кашей. Моя ставшая с началом войны грустно-молчаливой старенькая бабушка, развязав нам с мамой руки, полностью взяла на себя заботы о сестре...

Лишь на третьи сутки нашего поселения на вокзале, где мы отвоевали для себя крохотный уголок, устало улыбаясь, мама вернулась с билетами. Оказалось, она взяла их до... Кокчетавы. «Это где-то в северном Казахстане...», - сказала она виновато. - Других не было... Там, говорят, легче сделать пересадку...», - произнесла она, не очень-то веря своим словам.

И мы стали заново сворачивать в узлы свои вещи. Но нужный нам поезд часа на четыре задержали на каком-то перегоне. Когда же мы вскарабкались по лесенке в вагон, на улице было совсем темно. Проводница, держа в руке фонарь «летучая мышь» с горящей внутри керосиновой лампой, мельком глянув на наши билеты, сказала хрипло: «Вагон общий, так что сами ищите места...»

Ни вагонов, ни паровозов, ни семафоров таких теперь уже невозможно увидеть. Они остались на путях и станциях былых времён. Разве только в старых фильмах и встретишь то, с чем свели тебя однажды навсегда ушедшие годы. Но особенно я запомнил деревянные грязно-зелёного цвета скрипучие вагоны. Они имели всего по четыре колеса и были короткими и очень узкими. Узкими были и окна в них. А деревянные сиденья-лежанки в вагонах располагались только с одной стороны, боковых мест не было.

Каждому такому вагону при встречах я потом ещё долго улыбался как старому знакомому. Особенно это чувство усиливалось, если на нём были написаны загадочные для меня фразы (а к четырём годам я уже мог кое-что прочесть): «Тормоз Вестенгауза» или «С горок не толкать»...

На наше счастье, в сторону Кокчетавы мало кто из беженцев пожелал ехать. И поэтому две свободных нижних полки в заполненном спящими людьми вагоне, где, конечно же, было темно, «как у негры подмышкой», мама нашла довольно быстро. Никакой мягкости на полках не было, только отполированные деревяшки. На одной из лежанок сразу же разместилась бабушка со спящей Еленой,

а вторая предназначалась для мамы и для меня. Но я неожиданно ляпнул: «А можно, ты мне на полу постелешь?»

Было заметно, что ей понравилась моя идея. «Хорошо, - ответила мама, - мальчик ты уже большой... Да и отдохнём получше, если врозь поспим... Полка-то и жесткая, и узкая... Я сейчас только подотру пол, а то он, наверняка, слоёв на десять зашлёпан», - сказала мама и ушла к проводнице.

Поезд меж тем уже покинул нашу станцию. Бабушка не участвовала в разговорах, и моментально заснула, бережно прикрывая рукой во что-то завернутую спящую сестру. Мама, вернувшись, принесла не только влажную тряпку, но и фонарь. Проводница дала его «всего на пару минут». Подняв над головой этот единственный на весь вагон источник света, мама, оказывается, решила увидеть всех обитателей нашего «купе».

Их оказалось трое. Трое заметно уже немолодых мужчин. Двое, занимая средние полки, явно крепко спали. Третий почему-то расположился под самым потолком вагона, куда обычно ставят чемоданы. Тот мужчина не спал. Увидев свет, он произнёс сверху: «А, новенькие... Что, мадам, машинист хлопочет, а паровоз везти не хочет туда, куда надо?..

Сказав это, мужчина потянулся, поправил лежавший у него в изголовье большой, наполненный чем-то мягким мешок. Мама же громко сказала: «Осторожней спускайтесь со своих полок, товарищи. Здесь, на полу, будет спать мальчик...» Мне было приятно, что она не сказала, как прежде, «маленький мальчик». Видимо, я уже становился большим, и она заметила это.

Торчавший в нашем «купе» столик имел шарниры, и мы легко убрали его, прижав к стенке. Благо, он был пуст. Мама несколькими взмахами тряпки освежила пол, а затем постелила вдоль стены на чистое место наше старенькое одеяло, и бросила какой-то сверток туда, где должна быть подушка. «Устраивайся... А я отнесу тряпку и фонарь», - шепотом сказала мама, и я увидел, что и она очень хочет спать.

Без фонаря опять стало «как у негры подмышкой». Колёса на стыках стучали торопливей. Разгоняясь всё шибче, изредка о чём-то своём озабоченно гудел паровоз, а через открытое окно в вагон залетал запах горелого угля...

Я очень быстро проваливался в сон, вытянувшись вдоль вагонной стенки на всю свою почти метровую длину. Неожиданно мне показалось, что кто-то изнутри сильно толкнул меня, после чего я ощутил на глазах слёзы. Не уверен, что готов был расплакаться, но оказался очень близко к тому.

«Мама, мы оставили на вокзале мою рогатку...», - сказал я плаксиво. «Жаль...», - ответила она спокойно из темноты. - Если честно, - вновь заговорила мама минутой спустя, - оставил ты, а не мы. За

своими вещами надо самому следить... А возможно, это и к лучшему, - прозвучало после паузы. - Мы же не на войну едем, а убегаем от войны... Спокойной ночи. Утром обсудим...» Пожалуй, я согласился с ней, что и уберегло нас от таких ненужных в тот момент моих слёз.

Я снова стал тонуть в объятиях сна... Засыпая, я, конечно же, ещё не мог знать, что, добравшись до Кокчетава, мы так и не сумеем оформить в нём свою пересадку до Красноярска... То ли не было поездов в том направлении, то ли мест в них не хватало на всех... Поэтому нам пришлось застрять в Кокчетаве.

Не мог я тогда знать и того, что на весь путь до города нашего с мамой рождения мы потратим столько времени, сколько будет длиться вся эта распроклятая война. В сам Красноярск к родственникам мы попадём лишь в начале лета 1945 года...

Засыпая, я пока не знал, что для жилья нам на окраине Кокчетава, «как семье фронтовика», предоставят землянку с металлической печкой и деревянными топчанами, где нас до одури будут загрызать блохи и вши. И мы поведём свою войну с ними с помощью керосина и раз в неделю сдавая всю свою одежду на прожарку в пункты санобработки...

Ну разве мог я предвидеть, что именно в Казахстане в возрасте неполных пяти лет я отправлюсь не в детский сад (путёвку выделяют только для сестры), а впервые «выйду на работу». Что маму назначат пасти овец и ягнят, дав нам возможность хоть что-нибудь зарабатывать. А меня назовут подпаском, и тоже станут начислять колхозные трудодни...

Не мог я, конечно, знать, что вскоре от нахлынувшей голодухи и обострившихся болезней тихо умрёт моя бабушка. Она просто ляжет вечером спать и не проснётся. И мы оцепенеет от горя и такого «удара в спину»... На исходе того же дня, опять же как «семье фронтовика», нам помогут её похоронить...

А вскоре очередная «бескормица» заставит меня ходить по ближайшим помойкам и собирать в котелок кем-то выброшенные картофельные очистки, подпорченную картошку и капустные листья. Тщательно промыв и обдав мою добычу крутым кипятком, мама с помощью мясорубки превращала её в какое-то коричневое месиво и пекла на сковороде совершенно неповторимые по вкусу оладьи. Пекла на рыбьем жире, которым пропахло всё моё украденное войной детство. Другого жира у нас не было.

Тогда мне ещё о многом не дано было знать... Как однажды, уже без бабушки, мы с какой-то попутной оказией доберемся до Омска. Но не станем задерживаться в этом городе, так как была возможность сразу махнуть до Красноярска... Но потом опять чего-то не срослось - не склеилось...

Год победы над германцами мы встретим в овцесовхозе «Учумский». Это была уже красноярская земля, её Ужурский район.

Здесь нас поселят в пустовавшей избе, мама получит работу библиотекаря, а я пойду в долгожданную школу...

Неведомо было мне тогда, что свой самый первый в жизни класс я смогу посещать всего лишь неделю. А потом выпадет сентябрьский снег, и мама принесёт меня из школы на руках. И моё образование временно завершится. Обуви у меня вообще никакой тогда не было, да и одёжка мало согревала...

В селе Учум в июле 1945 года, я и этого тоже ещё не мог знать, нас и найдёт демобилизованный сержант-фронтовик Сергей Яковлевич Иванов. Вскоре он перевезёт нас всех в Красноярск. Обладая дипломами не только инженера-строителя, но и филолога, он быстренько поднатаскает меня по всем «букварям», и в сентябре того же года я вновь пойду в школу. Уже в добротных обутках, и сразу во второй класс школы № 10... И меня «назначат» пионером, хотя среди октябрят, честно говоря, мне не довелось побыть...

До всего этого ещё предстояло дожиться... Как, кстати, и до той минуты, когда под утро в вагоне по пути в Кокчетав меня, крепко спящего, кто-то совершенно незаслуженно и обильно обсыплет денежными купюрами... Пройдёт много лет, и я однажды вспомню в подробностях эту картинку из детства. Можно сказать, случай помог...

Включил как-то телевизор, а на экране маячит внешне знакомый мне мужик из самых верхних слоёв местной власти. Мордатый такой. Каждый раз, когда вижу его живьём или по телику, невольно начинаю подозревать, что за щеками у него, как у хомяка, обязательно что-то припрятано. Может, заначка, а возможно, и ампула с чем-нибудь мгновенно действующим. Жизнь-то у него насквозь обманная, вот и рискует на каждом шагу быть разоблачённым...

Совершенно нет желания называть фамилию мужика. Цивильно выражаясь, несимпатичен он мне, как любой загребала. Да и без моих упоминаний в этом тексте наверняка он уже обеспечил себе «прописку» в истории. В России нового времени так повелось - если человек при деньгах, даже «с неба» на него упавших, его уже посылают на три буквы, то есть к VIPам, особо важным персонам. И можно ему ничего достойного в интересах общества и не совершать. Само наличие больших денег обеспечивает ему и бренд, и тренд «в одной тарелке».

Так вот... Рассказывает тот мужик, улыбаясь, словно инопланетянин, что после завершения всех работ по акционированию энергетических компаний Сибири на него (ну, вроде как и на меня тогда в поезде) тоже свалились большие деньги. Да ещё какие! 62 миллиона с чем-то рублей выпало! Не я придумал, а он так и сказал с экрана!

Правда, ему, в отличие от моих детских догадок, было хорошо известно, что официально те деньги бонусом принято называть.

Наверняка он даже ждал их, как выделенную персонально для него пайку «манны небесной».

Заглянул в словарь, а тот невозмутимо объяснил, что бонус в переводе с латинского это премия и прочие вознаграждения. Сугубо общая трактовка меня устроила лишь частично. Жуть как захотел узнать: а за какие конкретно заслуги такие деньжищи в наше несуразное время могут отвалить в одни руки? Мужик с телеэкрана об этом, понятно, ни гу-гу. Видимо, корпоративная скромность не позволяла быть чрезмерно откровенным.

А что если, подумал я, признали того мужика «пострадавшим от советского тоталитаризма»? И по такому случаю выдали ему «скромную» компенсацию за перенесённые муки. Кстати, попутно напомню, что именно в СССР и происходила электрификация всей страны, объекты которой он с коллегами азартно и подверг акционированию. То есть занимались плодами не своего бизнеса, а результаты чужого труда перелопачивали.

Нельзя исключать и того, что новоявленный вознагражденец стал ярчайшим маяком ударного «капиталистического труда». Возможно!.. Сам же он о своей явной «позолоченности» так и не обмолвился. Не сказал с экрана и о том, что бонус настиг его вдогонку к той ежемесячной заработной плате, исправно получая которую, он не имел ни малейших оснований называть её «малокровной»!

Какой же поистине неземной работоспособностью надо обладать, чтобы стричь такие всходы с «плантаций» российской электрификации! Пот с лица некогда было утереть... Вкалывал бедолага круглые сутки!.. Без единого перекура и «рекламных пауз»... И как теперь, позвольте спросить, следует воспринимать это, помня, конечно, о том, что свыше трети населения страны - малоимущие? Как пример для всеобщего подражания или как «матвознаграждение», о котором без изысканных матюгов, извините, просто и разговора может не получиться!

Почти раз в 20 единовременно больше, чем годовая заработная плата «рядового» президента России! Или Генерального прокурора страны!.. Ну, ладно, они – на госслужбе. Там – ограничения, рамки приличий, клятвы, присяги и прочее. А в энергокорпоративе, возникшем на общенациональном достоянии, похоже, создан процветающий и кем-то санкционированный финансовый беспредел вполне легальной мафии. Причем, при полном отсутствии законных запретов на путях такого обогащения.

Как утверждают осведомлённые «лоцманы» финансовых потоков, даже топ-менеджеров крупнейших коммерческих банков страны ежегодные бонусы такой крупности (напомню, 62 млн. руб!!!) посещают лишь в тех случаях, если господа банкиры спят исключительно на подушках, заполненных не пухом-пером, а только

приятно шуршащими... купюрами. Мучаются, понятное дело, но спят, предвкушая пробуждение.

Кстати, о президенте... Помнится, он очень просил всех нас, жителей России, «повсеместно экономить электроэнергию – наше общее богатство». Лично я до сих пор честно исполняю просьбу главы государства. И ради своего далеко не переполненного излишками пенсионного кошелька, и ради общей бережливости. Убеждён, такие заботы свойственны хоть и не всем, но большинству россиян. Даже энергосберегающие лампочки у многих из нас теперь зазря не светят, компьютеры и прочие электроприборы выключены, если нет в них надобности...

Вот и наэкономили сообща... Вроде как абсолютно голому на рубашонку скинулись. А они, разнокалиберные начальники российской энергетики, балдея от избытка чувств, растащили полученные бонусы по личным закромам, а тем, кто сэкономил киловатт-часы, преподнесли в очередной раз заново повышенные энерготарифы. А как же!.. Пройдет ещё год, и бонусы вновь понадобятся. А чтобы база для таких выплат не иссякала, надо загодя озаботиться. И снова: следует строжайше экономить...

Не по этой ли причине у России одна из самых дорогих в мире энергетик! Тарифы в ней почти в два, а то и в пять раз выше, чем в странах Европы или в США! А заработки топ-менеджеров «из-под дойной лампочки» превосходят среднюю оплату труда россиян, далёких от энергокухни, в 70-100 раз. И это в стране, где экономика имеет, якобы, социальную направленность. Так написано не в какой-нибудь желтой, а в самой «Российской газете». А её ближайшая родственница, «Независимая газета», ссылаясь на компетентные исследования, вторит, что низко обеспеченных россиян «насчитывается около 53% - это люди с доходами от 4,6 до 13,8 тысяч рублей в месяц».

Омерзительным следует признать и тот факт, что никаких законов тот «утомлённый деньгами» мужик и его бонусные коллеги вроде бы и не нарушили. Кроме, разумеется, нравственных. Но в том углу, в который эти законы у нас загнаны, – полная темень, как «у негры подмышкой».

И вроде не воруют начальники, скажем, превышая должностные полномочия. И не принуждают кого-либо к взяткодательству... Просто перешли на самообслуживание... И на всё у них имеются коллегиальные решения, и протоколы украшены подписями и гербовыми печатями... Не подкопаешься! И даже незаконным обогащением получение тех бонусов назвать нельзя, потому как закон об этом, признанный международной юрисдикцией, в нашей стране, оказывается, до сего времени не ратифицирован. То есть официально не признан. А без его признания не может быть и соблюдения!

Во многих государствах он действует словно меч для отсекаания алчных ручонок, а в России с её вековыми традициями воровства закон этот – «не при делах». Для удобства, разумеется, тех, кто допущен к разного рода кормушкам...

Словом, энергетическим топ-менеджерам вполне официально отстегнули бонусы, и они их получили. Никаких акций протеста этот факт у них не вызвал. Наверняка, в честь праздника обогащения и «поляны» сумели накрыть, и откаты в нужные «лузы» отправили, и банковские счета, исключительно своих жён, пополнили...

Я, вот, думаю: в какой же несуразно перекошенной стране в сторону журнала «Форбс» мы всё ещё живём! Рвануть бы туда, где водятся купюры в два доллара... Да годы уже не позволяют.

Уверен, если через какое-то время Интернет, газеты, радио и, конечно, телевидение вновь начнут жужжать, что численность российских миллионеров стабильно растёт, а почти половина населения страны не менее стабильно продолжает не жить, а выживать, то удивляться этому уже не следует. Как и тому, что число самих россиян продолжает сокращаться... А на каких дрожжах станет расти, скажем, демография, если упомянутый энергобонус того мужика почти в 200 раз превосходит многократно хваленый материнский капитал. А он признан главным стимулятором в борьбе за рост, извините, поголовья россиян!..

...Тогда в вагоне я проснулся от того, что лицо моё покрыл противный липкий пот, и стало трудно дышать. Позже понял, что это денежные купюры так плотно накрыли меня, что без доступа воздуха я, вроде как, превратился в заживо погребённого. Открыв глаза, я не увидел даже предутренних сумерек. Мрак!.. Что-то мешало смотреть. Испугавшись спросонья ещё неизвестно чего, я громко крикнул: «Мама!..»

Сквозь стук колес было слышно, как она моментально села на своей лежанке, и принялась в полумраке ощупывать меня. Но я не чувствовал прикосновений маминых рук. Они были рядом, но не притрагивались ко мне. Им что-то мешало это сделать. «Господи, - услышал я её голос. - Тебя чем-то обсыпали... Какие-то бумажки... И вправду, похоже, деньгами... Поднимайся быстренько, сынок, и ложись на моё место. А я разберусь, кто нам спать мешает...»

Дважды просить меня не пришлось. Сначала я сел и в полумраке тупо уставился перед собой. При этом с меня что-то посыпалось с довольно шумным шуршанием. Я чего-то брал в руки, пытался разглядывать... Хотя в тот момент мне было абсолютно всё равно, чем накрыло меня: крупной рыбьей чешуёй, опавшими с деревьев листьями или же в самом деле деньгами...

В те минуты очень раннего утра я пребывал в том блаженном состоянии, о котором остряки обычно говорят: «Поднять – подняли, а

разбудить – не догадались». Я всё ещё хотел спать, чем и занялся, заняв мамино место. И спал я ещё, возможно, часа четыре...

А когда наступил новый день, о тех ночных загадочных деньгах я и не вспомнил. Наверное, элементарно заспал. Мама и бабушка об этом тоже деликатно молчали. Сестра вообще ещё не умела говорить, а только иногда орала, но явно о чем-то другом, что понимали бабушка и мама. Да и никто из обитателей нашего вагона о случившемся ночью в нашем «купе», как мне показалось, и понятия не имел. Словом, как говорят, «Проехали!», и вспоминай теперь, что упало и где пропало...

После того случая жизнь ещё более сорока лет пропускала через свои жернова отпущенные нам годы. И только спустя этот срок мама однажды произнесла: «А ты помнишь, как в поезде тебя, спящего на вагонном полу, обсыпали деньгами?.. Тогда ты ещё и первую свою пятилетку не прожил...»

Помолчав, я ответил: «Если честно, не очень помню. Лишь какие-то вспышки возникают в памяти... А ты расскажи, пожалуйста, или лучше обсыпь меня заново. Тогда точно вспомню...»

Шутка понравилась, но денег не прибавилось. Выйдя на пенсию, мама продолжала работать воспитателем в одном из молодёжных общежитий, но... Словом, я изредка всё равно помогал ей, как принято говорить, материально... Так, попивая хорошо заваренный чаёк, я и узнал от мамы вроде бы как ещё одну семейную «тайну»...

...Заснул я тогда моментально, лишь только переместился с вагонного пола на мамину лежанку. Разбудив бабушку и стараясь не привлекать внимания соседей, как можно тише разговаривая друг с другом, мама и бабушка уже в четыре руки стали собирать с пола рассыпанные купюры. Их было надоедливо много: рубликов, трёшек и пятёрок.

Затем мама, отыскав в своей сумке коробок спичек и огрызок свечки, зажгла её. При свете стало видно, что вся троица наших попутчиков уже покинула наше «купе». Полки были пусты. Мешок, положив голову на который спал обитатель самой верхней полки, тоже исчез.

«Мне же не могло померещиться, - говорила мама. - Я уже не спала, а просто дремала и слышала, как к спящим подошёл ещё один мужчина. Он стал тормозить наших попутчиков, приговаривая шёпотом: «Выходи, корешки, строиться!.. Надо ноги делать. По вагонам со стороны паровоза энкавэдэшники идут. Документы только у мужиков проверяют. Сам видел... Не уйдём – заметут! Сейчас полустанок будет, там минутная остановка...»

И они громко затопали... Мама же, как я понял из её рассказа, из темноты зорко следила за тем, чтобы жулики (а в этом она уже не сомневалась) в начавшейся суматохе не наступили своими ножищами на меня. А когда самый верхний из них прыгнул вниз, мешок, что был

при нём, не то лопнул, не то развязался. Деньги из него так и хлынули на меня спящего... Я, конечно, ничего этого сразу не ощутил.

Мужики, увидев такое, стали озверело матюгаться, обвиняя друг друга... Но собирать рассыпанные купюры, как поняла мама, они уже не могли. Поезд, притормозив на минутку, снова тронулся. И они, один за другим, выскочили из вагона в темноту. А через пару минут, погребенный под деньгами, я и крикнул «Мама!..»

Проводницы, как выяснилось, на месте в тот момент не оказалось. Сорвать стоп-кран в её купе, чтобы задержать поезд, никто не мог. Где эти жулики взяли мешок денег? Милиция, видимо, знала, если шла по их следу... Для нас же всё это осталось загадкой. Возможно, предположила мама, кассира в каком-то колхозе ограбили или деревенский магазин тряханули...

«Ну, и что стало тогда с теми деньгами?» - спросил я. Хотя и предвидел возможный ответ. Та сумма, которую мама взяла у родственников отца на нашу эвакуацию, быстро таяла. Да и не могло быть иначе, мы же надеялись одним махом добраться до Красноярска. А о том, что где-то в пути застрянем, и не думали... Так что «материальная помощь», хотя и такая своеобразная, не стала бы тогда для нашей семейной казны излишней. Но я ошибся в своих догадках.

Когда все купюры были собраны с пола, в моей бабушке «проснулся зверь». Она шёпотом сказала маме, чтобы та на ближайшей станции сбегала к паровозу и весь сверток этой «гербовой макулатуры» бросила в топку. «Если мы станем пользоваться этими деньгами, они станут дважды ворованными. Мы не имеем права ими пользоваться, добра нам они не принесут!» - припомнила мама слова бабушки, мнение которой она привыкла ценить.

А ещё бабушка, как я понял, запретила своей дочери сообщать о свалившейся «куче» денег в милицию. Узнают, наверняка снимут с поезда и станут по допросам таскать. Бабушка к тому времени, оказывается, уже была неплохо знакома с методами дознания НКВД по арестам некоторых родственников и знакомых...

Мама, похоже, поклялась, что найденные деньги она не будет тратить на наши нужды. Но и с тем, чтобы взять и просто сжечь их в топке паровоза, тоже не могла согласиться. «Паровоз, даже советский, должен на угле работать, а не на ассигнациях!» - провозгласила лозунг мама.

Как я понял, почти всё время, пока я спал, мама и бабушка спорили и горько шутили. Небольшой перерыв у них возник лишь, когда сквозь наш вагон проходил наряд из двух милиционеров. Но поскольку стражи порядка были ориентированы на проверку документов у обитателей вагонов мужского пола, то в нашем «купе» они даже не остановились. Просто посветили фонариками и дальше пошли.

Мама и бабушка обсуждали меж собой, оказывается, и такой вариант: раздать деньги пассажирам нашего вагона. Равномерно разложить по кучкам и обойти всех. Но потом представили, что поднимется шум и может возникнуть скандал, если кто-то не согласится принять неизвестно откуда возникшие деньги. Было ими придумано и такое: через вагонное окно на полном ходу поезда выбросить деньги. Пусть ими распорядится ветер! Но и это забраковали. «Исторический спор», как я теперь знаю, завершился неожиданно...

Я уже проснулся, когда наш поезд на какой-то станции сделал, как объявили по вагону, долгую, на полчаса, остановку для заправки паровоза углём и водой. Мама понесла сестру на прогулку. А бабушка, минут пять спустя, взяв свой паспорт и сунув подмышку какой-то свёрток (я же не мог знать, что в нём!), тоже покинула вагон, попросив меня не оставлять «купе» без присмотра. Я ещё пил чай и согласился. Вскоре вернулись мама с Еленой. Бабушка же, запыхавшись, появилась лишь к самому отходу поезда, изрядно потрепав нам нервы. Как я помню, свёртка при ней уже не было. На мамин вопрос: «Ты где так долго была?», бабушка лишь рукой махнула и произнесла: «Потом, дай отдышаться...»

«И что бабушка тебе «потом» сказала? – спросил я у мамы более сорока лет спустя. «Ничего не сказала, а просто протянула мне вот эту квитанцию...»

Открыв свой паспорт, мама из-под его обложки вынула пожелтевший от времени узенький клочок бумаги. Буквы на нём заметно выцвели, но ещё читались. Это была квитанция о приёме почтового перевода на сумму 543 рубля 00 копеек. Бабушка отправила деньги по адресу: «Москва, Кремль, Наркомат разгрома фашистов». Отправитель - Семья Ивановых Проездом».

Мама припомнила: оказывается, на той почте у бабушки вообще не хотели принимать перевод, так как она не могла написать точный адрес получателя. Началась дискуссия... Время стоянки поезда меж тем быстро таяло. Тогда бабушка и предложила написать слово «Кремль» после слова «Москва». «Ну вот, другое дело», - сказали сотрудницы почты, - точнее адреса не бывает». И даже стихи припомнили: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Приняли деньги и выдали квитанцию...

В тот день, когда мама скончалась в больнице, меня не было в Красноярске. Так получилось... Позже в её паспорте я уже не нашёл той квитанции. Наверное, выбросили. Жаль... Но, увидев на телеэкране того мужика-загребалу (а сколько их по России!), я и вспомнил, как меня обсыпали деньгами и чем это завершилось. А ещё до сих пор сожалею об оставленной на одном из вокзалов своего военного детства рогатке. Теперь мне её так не хватает...
1.06.2011. *(Опубликовано в газете «Таймыр» 3 и 10 авг. 2011 года)*

